

The background of the cover is a stylized, high-contrast illustration of a face. The face is rendered in shades of green and black, with large, expressive eyes and a slightly open mouth. The top of the cover features vertical stripes in red and green. The title is written in white and black text at the top.

София Синицкая **ЧЁРНАЯ СИБИРЬ**

Финалист премий
«Национальный бестселлер»
«Большая книга»
«Ясная поляна»
«НОС»

ЛИМБУС ПРЕСС

София Сеницкая Чёрная Сибирь

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69606910
Чёрная Сибирь. Роман: Лимбус Пресс; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-8370094-0-2*

Аннотация

София Сеницкая – лауреат премии Гоголя, финалист премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер», «Нос». Название её нового романа отсылает к «Полдненной песне» Бодлера – «Чёрной Сибирью» поэт называет состояние депрессии, меланхолии. Герой романа Сеницкой, французский волонтер Гастон Мушабьер, бежит от своей экзистенциальной тоски на юго-восток Украины, где пытается в зоне военных действий найти смысл жизни и вырваться из мучительных объятий душевной болезни под названием «Чёрная Сибирь».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	35
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

София Синицкая
Чёрная Сибирь
Роман
Основано на
нереальных событиях

Мстить – грех, даже демонам...

Не мстить – прощать.

А. Габышев

Ты – вспышка жаркого огня

Во тьме моей Сибири чёрной!

Ш. Бодлер. Полдневная песнь¹

* * *

© ООО «Издательство К. Тублина», 2023

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2023

© А. Веселов, обложка, 2023

¹ Перевод В. Г. Шершеневича.

Глава 1

Мальбрук в поход собрался...

Старинная французская песенка

Прежде чем послужить траурным завтраком для одичавших, отощавших псов, гражданин Франции Гастон Мушабьер проделал недолгий, но насыщенный событиями путь из отчего дома в раздираемую войной Украину, в посёлок Сироткино, который, собственно, и стал конечным пунктом его земного существования.

Жена никак не препятствовала отъезду нашего героя, совершенно не возражала: «Пусть проветрится!» Он надоел ей хуже горькой редьки бездарными стихами и нытьём о высших целях и незадавшейся жизни. К тому же она не знала, что Гастон собирается стрелять, думала – волонтировать будет, помогать беженцам.

Папаша, возможно, высказался бы против прямого вмешательства семьи Мушабьер в дела чужих, далёких, тем более – воюющих держав, но, к сожалению, давно приказал долго жить и покоился в фамильном склепе под мраморной плитой с красивым керамическим букетом за двести восемьдесят евро.

У Гастона были основания полагать, что мама поддержа-

ла бы его воинственный настрой – ей нравилось всё бурное, пламенное, страстное, но старухе перевалило за восемьдесят, корриду и энсьерро она смотрела исключительно в Ютубе, сердце шалило, правая нога опухла, хромала и не влезала в туфлю для фламенко. Сын решил её не беспокоить, не сказал, что едет на войну.

У Гастона были дети, он их баловал, никогда ими «все-рѐз» не занимался, не загонял по вечерам в кровать, разрешал есть сладкое и солѐное, сколько влезет. Воспитание ограничивалось совместным просмотром старых французских и диснеевских мультиков. Кудрявая Люси и долгоязыые горбоносые близнецы принимали папочку таким, какой он есть, – странным недотѐпой, чмокали в губы, помогали искать носки, мобильный и ключи от машины.

Мушабьер служил в медиатеке: бездумно пялился в экран и перебирал бумажки. Он был совершенно не приспособлен к «работе» – постоянно опаздывал, запутывал, казалось бы, несложные дела, необходимость проявить инициативу вызывала общий паралич и клонила в сон. Ближайшие сотрудники относились к нему снисходительно, а директор называл дебилом и пришельцем из другой эпохи: Гастон принимал живое участие в исторических реконструкциях, по праздникам гулял в собственноручно сшитом костюме воина, с «почти настоящим» арбалетом. «Пѐ донэ, пѐ демандэ», – говорил про него директор, это значило «что с дурака взять».

С кем Гастон всегда был на одной волне, так это с дядюш-

кой Жо-Жо, папиным младшим братом. Даже после его безвременной кончины приходил на кладбище выпить и поговорить по душам. Перед отъездом на войну долго прощался с Жо-Жо, успел выжрать бутылку хереса и «заполировать» абсентом. Зелёные и красные стёклышки старого витража таинственно освещали распятия, пластмассовые и керамические цветы, памятные таблички: «Дорогому дедушке», «Любимой сестре», «Папе», «Бабушке», «Наша грусть бесконечна». Сложив тощее тело на ступеньках усыпальницы, Гастон вздремнул; приснилось, что спит в гамаке, а дядя, живой и весёлый, будит его, сильно раскачивая и выкрикивая прекрасные, но, увы, совершенно незапоминающиеся стихи. Было обидно. Подобное чувство досады охватывало Гастона, когда при пробуждении таяли вместе со сладкой грёзой и разлетались в дальние уголки Вселенной абрикосовые пироги и домашние паштеты. Гастону часто снилась еда: сыр, макароны, гирлянды колбас, варёный рубец, похожий на потемневший от времени свиток с таинственной надписью. У Гастона был хороший обмен веществ, как бы плотно ни ужинал – просыпался всегда голодным и очень много ел.

У окружающих прожорливость Гастона никак не вязалась с его обликом, вызывающим в памяти Дон Кихота или апостолов Эль Греко – длинных, анемичных, с вылупленными глазами. На сорокалетие друзья подарили Мушабьеру двухтомник Сервантеса 1869 года с иллюстрациями Доре. Отец Гастона был стопроцентный француз, а мать – испанка, по-

следний цветок на засыхающей ветке старинного дворянского рода де Арбуэсов.

Дядюшка Жо-Жо внушил Гастону любовь к поэзии, крепким напиткам, печёным улиткам и лягушачьим лапкам, а также заразил душевным недугом под названием Чёрная Сибирь – опасным, как сибирская язва.

У дяди была жена – настоящая скво, он с ней познакомился на Аляске. Коренастая, неказистая, но чем-то очень привлекательная, с тусклым взглядом исподлобья и загадочной улыбкой. Дядюшка величал её Чёрной Сибирью, которую стащил у Бодлера. «Цветы зла» были его главной книгой, в разных изданиях – от ценных, старинных, сто лет назад разрезанных ножом до новых, с блестящей обложкой – валялись по дому. Жо-Жо называл Чёрной Сибирью всё плохое и депрессивное в своей жизни – не только бедную жену, но и похмелье, расстройство желудка, счета, которые нужно срочно оплачивать, ненастную погоду с ветром и мелким дождём, творческое и мужское бессилие.

В один прекрасный день покорная безответная скво вдруг бросила капризного супруга, сошлась с молодым учёным и уехала в Канаду. Жо-Жо очень страдал, выпивал и сочинял роман в стихах. Гастон по доброте душевной навещал его, старался поддержать, утешить. Вместе философствовали, читали вслух стихи и выпивали.

Всю женатую жизнь Жо-Жо обижал свою скво, говорил, что она недостаточно элегантна и чистоплотна и, вообще,

от индейцев воняет – по вечерам поднимается звериный запах. Когда жена ушла, вдруг вспомнил, что ноги у неё были шёлковые, глаза как луна, ласки могли оживить мёртвого, обед подавала вовремя, кофе в постель приносила. Лишившись скво, дядюшка аккуратно по пятницам уходил в запой, декламировал «Проклятых поэтов» и взывал к телевизору, равнодушно бормочущему про аннексию Крыма, про талибов и погоду: «Вернись, идол! Подлечи истерзанную душеньку. Погладь рубашки! Обслужи, согрей и пожалей! Чёрная Сибирь! О, Чёрная Сибирь!»

Шло время, скво так и не вернулась, родила детей, в общем, нашла своё счастье. Дядюшка погружался в запои, депрессию, в Чёрную Сибирь и тянул туда сердобольного племянника, который охотно стал его собутыльником, чтобы разделить тоску.

«„Же маль д’этр муа!“² – вопил Жо-Жо за пару дней до смерти. – Брель, Верлен, Бодлер – мои друзья, мои кумиры. „Сердце тихо плачет, Словно дождик мелкий, Что же это значит, Если сердце плачет?“³». Лучшая табличка в семейном склепе была у дядюшки – от Гастона, большая, мраморная, со стихотворением:

Прохожий, помяни несчастного поэта,

² От самого себя тошно (букв. «мне больно быть мной») – слова из песни Жака Бреля «Пьяница».

³ П. Верлен. Песня без слов. Пер. И. Г. Эренбурга.

Что мог бы стать звездой, но канул в Лету.
На кладбище нашёл он свой приют.
Любимцу муз, жонглёру рифм
здесь выпить не дают.

«Поэт из меня никакущий – но от души», – бормотал племянник, выливая на табличку остаток абсента.

Дядюшка ушёл, но Чёрная Сибирь осталась – выросла лишайником в Гастона, пробирала до костей и потрохов. Он чувствовал себя не в своей тарелке, казалось, что в небесной мэрии ему предписали судьбу воина-победителя, а земная канцелярия душит мещанским бытом.

На музыкальном фестивале в Тулузе Гастон читал свой рэп про высшее предназначение. Публика хлопала вяло, все ждали выступление малорослого, но подающего большие надежды монстра бретонского фолк-метала в составе украинской группы. В баре Гастон познакомился со Славиком из Запорожья, нашли общий язык на сносном английском. Выли волынки, Гастон заказал на двоих бутылку виски и скорородку острых креветок, Славик ответил на любезность куточком очень неплохого гашиша. В сортире у Гастона был приход, ему, растёкшемуся на унитазае, грезилось, что он раскланивается на сцене огромного театра и тысячи восторженных слушателей аплодируют его таланту. Рядом в кабинке спускали воду, её шум сливался в голове Гастона с овациями, всё гремело, словно Ниагарский водопад.

«Корномюз, корномюз»⁴, – будто заклинание, повторял пьяный Славик, пытаясь запомнить важное слово.

Гастон и Славик подружились, встречались на рок-концертах и прочих культурных мероприятиях. Вместе выглядели забавно – Рыцарь печального образа и лысый силач в татуировках. У Славика была хорошенькая жена Олеся (ласково называл её Лесенкой), она работала в тулузском доме для престарелых и, похоже, содержала целиком и полностью своего мужа, во всяком случае, Гастон так и не понял, чем зарабатывает на жизнь новый друг, проводящий дни напролёт за кружкой пива и карманной философской энциклопедией.

Гастон не говорил Славику про свои душевные проблемы и Чёрную Сибирь, зато произвёл большое впечатление рассказом про испанского деда – офицера Голубой дивизии, который сгинул в 1942 году в новгородском болоте.

Весной, когда российские танки заездили по Украине, Славик сказал Гастону, что самое время «отправиться в кораль сводить счёты», «воздать азиатским ордам за смерть благородного дона». Сам с Олесей вернулся на родину мстить за бабушку: она погибла. Послал французскому другу фотографии дыры в стене, розовой занавесочки на выбитом окне, уцелевших банок с огурцами, свежей могилы под деревом и расстроенной физиономии дедушки.

Вскоре Гастон получил ещё серию фоток в Ватсапе: под

⁴ Вольнка (*фр.*).

цветущей яблоней уже две могилки, Славик на развалинах деревенского дома готовит борщ в печке, которая, словно в сказке, одиноко стоит под открытым небом, люди в касках едят этот борщ, Олеся с санитарной сумкой через плечо скалит белые зубы, комментарий: «Ничего орда нам не сделает, так победим орду».

Гастону страшно захотелось стать героем, отведать жгучего борща в романтической обстановке, прямо живот светло. Он отправил Славику проникновенное письмо, прошёл подготовительные курсы по стрельбе и первой медицинской помощи и в начале лета уже ковырял в носу и разговаривал сам с собой на руинах сельца Фёдоровка, в десяти минутах от линии соприкосновения с врагом.

Отряд, в котором воевал Славик, состоял из людей самых разных – своим обликом и характером они, казалось, были несовместимы, но, слившись в единый боевой организм, прекрасно уживались и дополняли друг друга, примерно как моллюски, колбаса, креветки и куриные ноги в паэлье. Кроме профессиональных военных, там были: толстый пожарный, щуплый плиточник, продавец надувных лодок, аптекарь, учитель, студент, врач-гинеколог Илья Григорьевич, диджей из сельского клуба, депутат, фермер, инженер, два художника, несколько пенсионеров и прочие идейно мотивированные и патриотически настроенные граждане.

Бойцы теробороны без восторга встретили Гастона. Им, измотанным кровопролитным противостоянием наступаю-

щим силам РФ и ДНР, нужны были Рембо и Терминатор, а не Рыцарь печального образа. Требовалась подмога в лице какого-нибудь опытного инструктора, а не этой «глисты в скафандре», как выразился школьный учитель и по совместительству командир отряда Сергей Иванович Кондратюк. В натовском бронежилете четвёртого класса защиты и слишком большой каске на вытянутой, как баклажан, голове Гастон смотрелся странно, нелепо. Однако он неплохо и с удовольствием стрелял, ловко прятался за камешком, за былинкой, почти сливался с землёй.

– Я в него верю! – говорил ребятам небритый осунувшийся Славик. – Скоро мы увидим Гастона в действии. Думаю, из него получится отличный диверсант. Он весь в испанского дедушку, аристократа, героя Гражданской войны. Гастон, как его звали? Де Арбуз?

– Да. Антонио де Арбуэс.

– Честный католик, примерный семьянин, храбрый солдат и патриот, благородный до мозга костей, настоящий белый. Сталинский сокол в тридцать девятом сбросил бомбу на ихнюю усадьбу, де Арбуз отправился мстить за разорванных в клочья родителей, совершил множество подвигов, но не справился с советским климатом, замёрз. Видимо, водку пить не умел. Водку пить надо, тогда никакой мороз не страшен. А дедушка мог лишь вино. Гастон – герой нового поколения. Я никогда не видел, чтобы он разбавлял джин или виски. И потом у нас ведь тепло, лето. Осенью, в ноябре, бу-

дет победа. Гастон уложится до холодов, да, Гастон?

– Кто тебе сказал про ноябрь? – спросил Сергей Иванович, пригласив Славика в сторонку.

– По моим внутренним подсчётам. Интуиция.

– А по моим – нам скоро будет нечего есть. Ты видел, сколько жрёт твой француз или испанец, сколько в него влезают? Он вчера запихнул в себя четыре банки тушёнки, даже не грел её. Наши из вежливости ничего не сказали, неловко перед интуристом. Пусть отрабатывает!

– Как?

– Как-нибудь. Он за дедушку мстить пришёл? У нас тоже дедушки были героические, только с другой стороны.

– Не думаю, что дело в дедушке. Просто он мой друг. Решил прийти на помощь. Что такого?

По недовольным взглядам и ворчанию камрадов Гастон понял, что слишком много ест, однако умерить количество суточно потребляемых калорий был не в силах. В момент затишья из тенистой фёдоровской рощи, в которой укрывались бойцы, француз пополз в поля, за огороды, в сторону озера и разрушенной церкви. К вечеру вернулся с набитым термомешком.

– Гастон, кес ке се? Что там у тебя, друг? – спросил Славик.

– Ан врэ делис, мон ами, настоящая вкуснятина.

Гастон выпросил подсолнечного масла, отошёл за разбитые дома, нарыл среди груды пёстрого мусора книгу, по-

коцанный, но вроде живой велосипед с детским сиденьем, противни, эмалированный тазик, подстаканник с мчащейся тройкой, развёл костерок и приготовил ужин на весь отряд: улитки и лягушачьи лапки – румяные, чинно сложенные, словно нежные ручки кумушки на полной груди, и посыпанные петрушкой.

При виде этого угощения Сергей Иванович и прочие бойцы чуть не проблевались. Славик составил компанию французу – палочкой выковыривали улиток из домиков, обсасывали косточки царевны-лягушки, запивали водкой. За полуобрушенной стеной, где догорал костерок, был прилёт – видимо, заметили дым.

Глава 2

...Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская.

Н. В. Гоголь

- Цибуля.
- Лук, разумеется.
- Так. Черевики.
- Башмаки.
- Зачёт. Варенуха.
- Водка.
- Совершенно верно. Варёная водка с пряностями.
- Чумаки.
- Челночники. Купцы? Торговцы?
- «Малороссияне, едущие за солью и рыбою, обыкновенно в Крым».

С растрёпанным Гоголем 1968 года Славик учил собратьев по оружию старым словам, приводимым пасечником Рудым Панько в предисловии к «Вечерам».

– Гаман.

– Хрен его знает.

– «Род бумажника, где держат огниво, кремь, губку, табак, а иногда и деньги». Гастон, «паляница» – это хлеб. Скажи «паляница»! Молодец, почти, почти. «Буряк»! Да не «бу-

рят», а «буряк». Дадим тебе украинское гражданство. «Героям слава!» Да не «сало», а «слава».

Француз смеялся, учил новые непристойные слова, его тянуло на развалины, нашёл ещё крем для бритья и целый стакан для подстаканника.

– Гастон, не ходи туда, респект, не светись, шер ами, и нас не пали. И не балуйся с огнём. Готовим на свечах, чтобы без дыма. Мы – призраки, сидим в засаде, нас нет.

Кондратюк ворчал, что настало время отправить шаромыжника на задание – глестой проползти в оккупированное Сироткино, посмотреть, откуда стреляют, для наводки отправить геолокацию вражеского подразделения, запустить сигнальную ракету или тупо посветить фонариком.

– «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить...» Не до шуток, Николай Васильевич. – Слюня палец с мордой козла, выбитой на фаланге, Славик листал книжку. – «...Кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдаль, как что-то пылит и сверлит воздух». Артиллерия сверлит, Николай Васильевич. Наша артиллерия! Что дальше... Не так ли и ты, Киевская Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься? «Не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение?»

– Это наши «джавелины», Николай Васильевич! – подал голос сонный Кондратюк. – Молотят орков.

– Серёга, а что бы сейчас Гоголь сделал?

– В Италию уехал.

– Правильно, пускай пока в Риме сидит, третий том пишет. Гастон, ты читал «Мёртвые души»?

– Я слушал передачу, но всё забыл. «Тараса Бульбу» читал.

– Ну, значит, в теме.

– Я и Достоевского читал.

– Это не наш союзник.

– Почему?

– Империалист.

– Вы тоже империалисты.

– В смысле?

– Вам важна территориальная целостность Украины?

– Что за вопрос.

– Национальное самосознание?

– Естественно.

– Тогда вы империалисты. Как Достоевский.

– Достоевский поляков душил.

– А вы у Гоголя что делали? Друг, ты на каком языке с товарищами говоришь? Почему объяснял украинские слова?

– Потому что мы говорим по-русски, и, наверно, это не есть хорошо. Надо знать украинский, даже непонятный, девятнадцатого века.

– Чем вы отличаетесь от русских?

– Всем, Гастон, абсолютно всем. И не от русских. От рашистов! Мы: я, Серёга да почти все, кого ты здесь видишь, – русские. Киевские русские. То есть настоящие. А они не русские, они рашисты, мокша и орда.

– «Мокша» – это кто?

– Мокша, мордва, чудь белоглазая. Дикие племена. Зародились на финских болотах. Из ядовитых испарений. К нам, славянам, не имеют никакого отношения. Но лезут в русичи. А ведь это мы – русичи. Они – духи болотные, кикиморы, блуждающие огни. Выморочные. Вообще не люди.

– У меня был финский инструктор по стрельбе Пекка Макконен, серьёзный человек.

– Я не хотел обижать финнов. Мало ли что у них на болотах завелось. Они действительно тут ни при чём.

– Славик, ты опасно рассуждаешь.

– Да, и свастончик у меня на запястье. Гастон, я шучу. Мне хочется всех уважать, но не получается. Я бабуся потерял. За жену переживаю. Теперь, как Дракула у Стокера, кровью готов заливать моё несчастье.

– Где твоя Лесенка?

– Как обычно, возится со старухами. Мягкой силой перемещает в безопасное место. Хотя где сейчас безопасно? Старухи сопротивляются, цепляются за живность свою, за банки с вареньем. Смотри! – Славик показал селфи красавицы-жены за рулём микроавтобуса, забитого клетчатými сумками,

на фоне – взволнованная бабулька, чёрный кот, собачка и петух. – Я нервничаю, я, можно сказать, в ярости, так что отнесись ко мне снисходительно. Ты же знаешь, я добрый. Просто пытаюсь сказать, что мы по всем параметрам отличаемся от врага. Думаю, у тебя будет случай в этом убедиться. Что там дальше? «Русь, куда ж несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа». Мы несёмся к светлому будущему, я так считаю. «... Косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Ливерная колбаса пусть посторанивается, все эти Шольцы. Скоро Украина будет главной страной в Европе, светом в мировом окошке.

Закрыв книжку, Славик задумался. В камышах стояла луна, выли собаки, погромыхивало.

Сквозь дрёму Гастон услышал всхлипы и матерное шипение.

– Славик?

– Мы для них мёртвые души. Не имеем права на существование. Они говорят, что наше государство выдуманно, и не Господом Богом, Гастон, а большевиками, Хрущёвым и Ельциным. А мы уже всему миру доказали, что Украина – это сверхгосударство, не просто территория, земля, святая для нас земля, но некая высшая идея и даже философская величина.

– Так я и говорю, что вы как русские имперцы.

– Гастон, ты за путиноидов или за своего дедушку?

– За дедушку.

– Правильно. Гнилую русню уважать не за что. Они называют Украину недогосударством. Ну-ну. Дело в том, что у них государство – большой мыльный пузырь, который оторвался от земли. Государство есть, а страны нет, она где-то там, далеко осталась. Они страну свою потеряли. Страна – это люди. Где их люди, где народ с его волей, с его открытыми глазами? Нету. А у нас всё сварено без дефектов и клеймом божественного сварщика промаркировано. Надо от мокши откреститься. У меня козёл выбит и «волчий крюк», мощная защита от оборотней, но вообще-то я православный христианин. На орков – дунуть и плюнуть. Они рабы и разрушители, выросли как белена за гаражом. Всё советское – боль и патология. Чудики, совки. Нас с ними ничего не связывает. Но есть одна проблема.

– Какая?

– Существенная. Подрывная деятельность «Союзмультфильма» и Одесской киностудии. Ты «Маугли» читал?

– Это русский писатель?

– С тобой всё ясно. Рассказ Киплинга не так прекрасен, как советский мультик. Меня сделали питон Каа и пантера Багира. Без них я был бы не я. «„Так они называли меня жёлтой рыбой?..“ – „Да! Да! И ещё червяком! Земляным червяком!“». Бессмысленно переводить на английский, ты всё равно не поймёшь. Моё поколение выросло на советских мультфильмах, как теперь выдавить из себя Акелу? А «Остров сокровищ»? «„Там, у бушприта, из воды вынырнул мор-

ской дьявол...“ Через полчаса Сэнди помер. А море сразу успокоилось». Роман Стивенсона замечательный, но советский фильм – просто шедевр. Племянников сделали «Ёжик в тумане» и «Простоквашино». Сестра им всё это с рождения показывала. Близнецы. Кусаться начали, решила отнять от груди, они орали. Знаешь, кто спас? Капитан Врунгель. Поставила им нон-стоп все серии. И подсунула жареную сосиску. Это отличный мультик. Они про материнскую грудь забыли, через день стали куриную ногу грызть. Их первая любимая песня не колыбельная какая-нибудь, а «Постоянно пьём „Чинзано“, Постоянно сыто-пьяно». Как ты это на украинский переведёшь? Никак. «Тайна третьей планеты» – это очень круто. А Штирлиц? А «Щит и меч»? Я Любшину и Тихонову всем обязан. И Золотухину. «Бумбараш» меня в детстве поразил. А «Белое солнце пустыни»? А Жеглов с Шараповым? Иду воевать с руснёй, а в душе играет музыка Артемьева, ты же фанат Тарковского, я знаю... «Мосфильм» с «Ленфильмом» как в душе своей отменить? Мы с бабусей смотрели «Москва слезам не верит» и ели молочный кисель. Грецкий орех выше крыши и жёлтая черешня, самая сладкая. Москва бабусю осколками посекала.

– Мне очень жаль твою бабушку. Не совсем понятно про кино и мультфильмы. Но это у тебя личное, твоя травма, не буду комментировать.

– Не комментируй. Что ты можешь понять? Я не знаю, на каких ты стихах рос. Вот я – на советских, и как мне их за-

быть? А надо забыть, всё советское несло нам горе, но вот это, моё любимое, я тебе по-русски прочитаю, про девочку, которой не спится. Знаю, что ты поэт, я не могу оценить твои стихи, но верю, что они хорошие, вот и ты поверь мне на слово – это удивительная поэзия, образы, растающие в сознание ребёнка:

Ветры к югу повернули,
В переулках – ни души.
Сонно на реке Амуре
Шевельнулись камыши,
Тонкие качнулись травы,
Лес как вкопанный стоит...

У далёкой
У заставы
Часовой в лесу не спит.

Он стоит,
Над ним зарницы,
Он глядит на облака:
Над его ружьём границу
Переходят облака.
На зверей они похожи,
Только их нельзя поймать...
Спи. Тебя не потревожат,
Ты спокойно можешь спать⁵.

⁵ Сергей Михалков «Светлана».

Мне это дед читал. Я представлял себе волков, бегущих по небу, и защитника – советского часового. Это был мой главный воображаемый друг. А весной советский часовой угробил бабуся, дед от горя умер. Это ужасное предательство, не знаю, как с этим жить. Часовой занял огневую позицию на Воробьиной горе и целится в нас. Подожди, отолью. Главное, с мысли не сбиться.

Славик пошёл в кусты. Гастон смотрел на ветки акаций, волнующихся в ночном небе, и вспоминал сухую природу Лангедока: «У нас нет этой трогательной нежности – только колючки, сосновые иголки или тёмная зелень платанов».

Вернулся Славик, на ходу застёгивая штаны.

– Наша молодёжь понимает, что французом, уж ты прости меня, Гастон, или немцем можно родиться, а украинцем надо стать. Мы особый народ, особая нация, именно сейчас мы выковываем себя как этнос на глазах у всего изумлённого мира. Только вот проблема с языком. Не все говорят по-украински. Мои племянники выросли на советских мультиках, впитали «великий и могучий» во младенчестве. Стали подростками, и тут русский язык в них вбил окончательно Оксимирон. Они не мыслят себя без русского рэпа. Я понимаю, что Оксимирон топит за Украину, спасибо ему, но вот русский... Пел бы по-английски. Хотя он поэт, ему, наверно, важны все эти русские рифмы, ассонансы, аллитерации. Талантливый парень. Ты слушал Оксимилона? Прости, пе-

ревести его не смогу. Вот у него интересное, в этих словах я слышу что-то важное о становлении нации:

Те, кто в серости выросли,
Яркими снами, таинственным вирусом
Мечены с юности – эти родимые пятна
Этнической чисткой не вывести⁶.

Не могу точно сказать, кого имел в виду Мирон, но, мне кажется, это про нас, про украинцев. «Инакость не выкосить, накоси-выкуси». И ещё мне нравится про связь времён:

Городской сумасшедший,
Непрошенный гость из эпохи, лет сто
как прошедшей,
Под рубищем, ветошью будущим дервишам
В тубусе спешно несущий депешу...⁷

В общем, проблема с русским языком, в наших головах его непросто упразднить. Одними словами думаем с москалями, это же неправильно.

– Языки надо уважать, у нас бретонский прессовали, так теперь местные говорят, что Бретань – центр мира. На всякое действие будет противодействие, третий закон Ньютона помнишь?

⁶ Оксимирон «Организация». В РФ признан иностранным агентом.

⁷ Там же.

– Помню. Я жертва этого закона. Какой бы добрый был и спокойный, если бы меня не душили, всех бы любил, ни на чём бы не заморачивался... Гастон, на мне полно глупых татуировок, но я не нацист, конечно. Просто усталый сорокапятилетний мужик, который понимает, что скоро увядание и смерть, а зло бесконечно. Ты «Твин Пикс» смотрел? Нет? Ну и правильно, ничего интересного, но там главная мысль очень здравая – что зло неизбывно. Оно неизбывно, я это понимаю и готов прощать всех, кто им заражён, – после пары метких выстрелов, конечно. А вот молодёжь, которая выросла под куполом этого цирка, не всегда способна посмотреть на вещи с высоты птичьего полёта, она во власти серьёзных страстей и отличается некоторой, как бы помягче сказать, категоричностью, нежеланием идти на компромисс. Многие историю не знают, их не интересует, как создавались и жили украинские города. Они в них выросли и чувствуют себя хозяевами. Им очень странно, что соседи на наши заводики и выходы к морю зарятся и своими называют. Для них, двадцатилетних, Советский Союз – это Атлантида, то, чего нет, то, что давно развеялось, испарилось. Вот дом, вот огород, вот клуб и кафе, это наше, уйдите отсюда...

Прости мой поток сознания, Серёга-командир давно бы уже меня заткнул. Он сам немногословный и разговоры любит по существу. У меня в Харькове дружок был – реконструктор, знаток и любитель Третьего рейха, весь в тематической татухе: и свастика, и орёл, и руны. А умер вместе со

своим соседом по лестничной площадке Лёвой Кофманом, они плечом к плечу держали оборону на Сапёрной улице, из пэтээра танк подбили, но потом их прошило автоматной очередью. Это мне Лёвина мама рассказала, она им бутерброды носила на баррикады. Или не было там баррикад, может, в домах прятались. Это я всё к чему? Да – не смотри на татуировки, они на самом деле ни о чём не говорят. Помнишь Квикега из «Моби Дика»? Он был раскрашен, как чёрт, и торговал бальзамированными головами, а оказался милейшим человеком. Мало ли какая мода у молодёжи. Хотя есть у нас и злые, совсем злые, Гастон. Знаю тётку одну, снайпершу, она говорит, что русских надо бы всех того, даже малых детей. Просто ведьма. Но ведь это Россия её такой сделала. Если б не война, сидела бы перед теликом, лепила вареники, тесто бы месила. Боже, как галушек хочется. Я похудел в два раза. Ты знаешь, что такое галушки? Это как итальянские ньокки, только без картошки.

– Славик, не надо.

– Нет, ты послушай. Они же не просто горкой в тарелке, сверху ведь жареное сало с луком, понимаешь?

– Понимаю, мон фрер. Когда закончится война, мы пойдём на рынок, купим хлеба, чесночной колбасы, килограмм гусяного паштета, четыре бутылки вина. Навестим дядю Жо-Жо, выпьем и закусим на ступенях моего фамильного sklepa.

– Хорошо, Гастон. Через полгодика. Надо потерпеть. До

сих пор не могу поверить, что эта война мне не снится. Не знаю, как вас в школе воспитывали, а нас всё время войной пугали. И бабуся с дедом повторяли: «Лишь бы не было войны». У меня был часто повторяющийся страшный сон – немцы окружили дом бабусин, всех расстреляли, я один прячусь на крыше, и сейчас меня найдут. Просыпался в страхе и беспомощности, думал: слава богу, только сон. А теперь дома нет – его разбила Москва. Одна печка осталась...

– Славик, почему ты сравниваешь нынешнюю Россию с Советским Союзом, это же совсем разные величины и явления?

– Российская Федерация – наследница Союза.

– Ты с любовью и горечью говоришь о советских фильмах, стихах и героях. В той России, которая возникла после крушения страны, появилось что-нибудь столь же прекрасное?

– Ничегошеньки. В Советском Союзе были плюсы и минусы. Современная Россия – это Советский Союз без плюсов. Разложившийся, протухший. Вообще без плюсов. Она наследница всего плохого. Хорошее испарилось, улетело вместе с Гагариным.

– Ну как испарилось, такого быть не может. Украина была большей частью Советского Союза. Может, она какие-то плюсы унаследовала?

– Гастон, ты мой любимый собеседник, с тобой приятно размышлять. Вот ты сказал, и у меня тут же сложилось впечатление, что если поискать, то советские плюсы най-

дуться именно здесь, в Незалежной. Искать с металлоискателем. Железная воля к победе. Железная сплочённость народа. Железный характер командующих. Я во сне поищу. Всё, вырубаясь. Спи, Гастон. Не буду больше тебя грузить. Бонньюи!

Глава 3

*Каждый из нас – сын своих добрых дел.
М. де Сервантес. Дон Кихот*

У героической группы, которой командовал Сергей Иванович Кондратюк, была невозможная задача Б: выбить врага с Воробьиной горы, вернуть посёлок Сироткино. И насущная А: привезти продукты, потому что, кроме соли и невкусного «Липтона» с бергамотом, из еды ничего не осталось. Надо было ехать в тыловое Щёбёнкино: часть пути – по открытой, простреливаемой дороге среди полей. «Туда, потом обратно, – бормотал Кондратюк. – Очень опасно. Либо ночью пешком без фонарика. За рулём будет кто-то один рисковать. Забьёт багажник крупой, консервой и поедет. Пешком втроем или вчетвером надо идти. Не так заметно, но долго, с тяжестью. Тоже непросто».

Уже несколько суток была тишина. Никакого движения со стороны Сироткино не наблюдалось, видимо, там готовились к наступлению – подгоняли «хорошие ништячки» и «дополнительные прибабасы», эвакуировали, хоронили, пили кофе «три в одном», проходили путь Ведьмака в Белом саду. Но на Воробьиной горе в охотничьих засидках не теряли бдительность снайперы с древними винтовками Мосина и миномётчики. Внимательно следили за происходящим и

были готовы в любую минуту открыть огонь.

Проклиная какого-то Лёху, Сергей Иванович разглядывал своих бойцов, казалось, мысленно взвешивал каждого, прощупывал, проверял на прочность и удачливость. Кого послать за едой?

Пустой желудок и поэтическая, тонко чувствующая душа Гастона подсказали, о чём думает командир. Он выкатил из кустов велосипед и сказал, что съездит за продуктами.

Сергей Иванович согласился при условии, что Гастон, если возьмут в плен, покончит с собой: «Я не хочу, чтобы эту глисту меняли на генерала». Француз велел не волноваться, вынул из кармана швейцарский ножик и театрально взмахнул им около шеи. Он находился в состоянии эйфории, чувствовал себя прекрасно – похоже, Чёрная Сибирь ослабила хватку, выпустила его из объятий.

– Меня тренировал хороший инструктор, финн, майор запаса. Старый, но очень толковый. Он занимался такими лохами, как я. Со мной в группе были бухгалтер, электрик, продавец и сантехник. И все они стали образцовыми солдатами. Финн учил действовать хитро. Да я и сам хитрый. Не надо брать силой и числом. Только ум, только интуиция. Поставь себя на место врага, влезь в его голову, перевоплотись, проведи разведку в извилинах мозга и лабиринтах души, аккуратно распутай гордиев узел его чувств, познай его, сделай выводы и лишь после этого действуй. Вот моя стратегия. Завтра привезу тушёнку.

Сергею Ивановичу не было жалко француза, тот с утра до вечера раздражал болтовнёй, уверенностью в своих силах и самолюбованием, которые сменялись вздохами и хандрой. Крутил во все стороны башкой с горбатым носом, смотрел свысока, потом вдруг прятался под куст, пялился в одну точку и раскачивался, обхватив колени. Сергей Иванович за глаза звал его Гиньоль – в отряде это прозвище закрепилось за французским волонтёром Мушабьером.

* * *

Рано утром, на восходе, когда птицы уже проснулись и перещёлкивались, а насекомые ещё спали в своих тайных убежищах среди капель росы, Гастон сел на велик и, как был, в футболке с черепушкой в сомбреро и надписью *Noir desir*, без каски, без броника, пригибаясь к рулю, погнал в Щёбёнкино. Безопаснее ехать было ночью, но он плохо представлял себе дорогу и боялся заплутать. На Воробьиной горе была хорошая Сеть, снайперы сидели в «телеге» и не заметили передвижения сил противника.

На дверях и окнах продуктового магазина было написано: «Рыба», «Сыр», «Хлеб», «Молоко», «Колбасы», «Бакалея», «Добро пожаловать!», «Всегда свежее», «Всегда лучшее».

Людей на улице было немного, на француза с велосипедом никто не обращал внимания, все смотрели, как мужчина в одежде цвета хаки лупит проводом парня, прикрученно-

го к дереву липкой лентой. Парень стонал и скороговоркой по-украински просил у всех прощения. Народ безмолвствовал, кое-кто снимал происходящее на телефон. Парень был маленького роста, щуплый, Гастону сначала показалось, что это школьник. Его лицо было красное и мокрое от слёз и соплей. Подошёл полупьяный мужичок, просил пожалеть парня, схватил за руку бьющего, попытался удержать, но получил по морде. Упал, из носа хлынула кровь.

– Ты кто такой? – кричали местные.

– Анатолий Петрович Чугунков!

Причитая и пачкая руки в юшке, Анатолий Петрович пошёл прочь.

Гастон вступился за парня. Ему пытались объяснить, что это мародёр: когда завывла сирена и все кинулись в подвалы, он покрал в магазине чипсы и колбасу.

На своём иностранном языке Гастон обратился к населению Щёбёнкино с речью о человеколюбии и европейских ценностях и попросил положить конец издевательствам и унижению. Парня отвязали, но, когда француз, наевшись в столовой, забив рюкзак рисом, тушёнкой и сахаром, двинулся восвояси, подобрали, снова привязали к дереву и избивали до потери сознания.

Обратный путь Гастон держал поздним вечером и ночью, теперь он неплохо представлял себе долгую, но, в общем-то, несложную дорогу из Щёбёнкино к Воробьиной горе, под которой на руинах Фёдоровки в засаде ждали пехоту вра-

га бойцы теробороны. Полная луна обливала таинственным светом поля и рощи, по траве пробегал ветер, в кущах хрустело, скрипело, вздыхало: Гастону казалось, что это фавны щекочут нежных бледно-зелёных нимф.

За деревьями слышался переступ медленных копыт, он прекращался, когда Гастон останавливался.

Велосипед начал жалобно визжать, Гастон обозвал его старым пердуном, открыл бутылку «Щедрого дара», смазал больные суставы. В темноте ехать было сложно, боялся наткнуться на камень или засохшую грязь, спешил, толкал своего старика, стараясь удержать от падения пирамиду продуктов, уложенных в мешок из-под картошки. На завтрак бойцы получили кофе и рис со сгущёнкой. Днём Гастон отдохнул, отоспался, не обращая внимания на мух, которые лезли в открытый рот, словно в выгребную яму, а на рассвете снова поехал в Щербёнкино.

Глава 4

Пища нам не только средство к жизни, но и средство к смерти.

Плутарх

В течение недели Гастон на велосипеде совершал регулярные поездки за едой, можно сказать, кормил весь отряд, расплачиваясь в магазинах банковской картой «Сосьете Женераль», которую, ко всеобщей радости, бесперебойно принимала шайтан-коробочка.

Командир Кондратюк был уверен, что француза прикончит снайпер – хозяин Воробьиной горы, однако ничего плохого не происходило. Проделав нелёгкий путь, Гиньоль возвращался с сахаром и тушёнкой живой и невредимый. Судя по всему, он был чрезвычайно вынослив, анемичный вид был обманчив.

Преодолевая опасный участок открытой дороги у подножия Воробьиной горы, Гастон чувствовал, что за ним внимательно следят. Вспоминая урок финского инструктора, пытался наладить связь с противником, уловить «энергетические потоки», влезть в его голову, постичь, что он хочет, чему верит, что ждёт. В какой-то момент Гастон понял, что металл вот-вот разорвёт спину, и в ужасе заорал песню из любимого репертуара дядюшки Жо-Жо. Сначала был Брель

– «В амстердамском порту моряки поют», потом Азнавур – «Уведи меня на край света в чудесную страну», потом Пиаф – «Я ни о чём не жалею». У француза был сильный, надтреснутый и каркающий от ужаса близкой смерти, но в целом неплохой голос. Хозяин горы внимательно слушал шансон, через оптический прицел провожая певца до спасительной зелёнки.

Каждое утро Гастон давал этот странный концерт. Снайпер смекнул, что певец ездит в обратную сторону по ночам – вероятно, с секретным предписанием, вероятно, помогает кому-то, сидящему в засаде и, конечно, мечтающему о его, Лёхиной, смерти, – однако стрелять не торопился: ему понравился Брель, и Лео Ферре, и Жан Ферра. Слов он не понимал, но надрывный мотив вызывал отклик в его душе, кроме того, он догадывался, что певец чует его, боится и просто хочет сделать что-нибудь приятное в обмен на жизнь.

Однажды, убыв на задачу, Гастон вернулся не один, а с тем самым парнишкой, которого колошматили в Щёбёнкино. Паренёк тащил рюкзак с мукой и сушёной рыбой. Назвал себя Миколой, предъявил синий паспорт, попросился в отряд. В отличие от русскоязычного большинства бойцов теробороны говорил по-украински, жалобно протягивал «ни» вместо «нет», хныкал, сетовал на плохое зрение.

Микола прицепился к Гастону на выезде из Щёбёнкино, француз угостил его сникерсом и взял под крыло. У Миколы были большие, широко расставленные и ничего не выра-

жающие прозрачные глаза, рот левым углом поехал вбок и вниз, командир Кондратюк про себя назвал парня камбалой. Микола пару раз помог Гастону доставить продукты из Щёбёнкино, в посёлок не заходил, ждал напарника в лесочке и внимательно следил за обстановкой. Потом, когда ненадолго проснулась вражеская артиллерия и прилетать под Воробьиновую гору стало чаще, исчез, сквозь землю провалился.

Освоив маршрут, Гастон стал ездить за продуктами исключительно по ночам. Как-то на рассвете, вернувшись из похода, увидел несколько свежевырытых открытых могил. В теневой мгле покоились бойцы теробороны – бледные лбы, небритые подбородки, шеи с выпирающими кадыками. Крови не было, Гастон не мог понять, каким образом его товарищи внезапно и одновременно умерли, кто рыл эти могилы и укладывал покойников.

Спотыкаясь о выдранные корни и комья земли, француз с причитанием ходил среди могил, склонился над одной, под кустиком, и закричал – на дне лежал Славик с чёрным томом «Истории философии» на груди.

Славик разлепил глаза, из могил полезли завтракать голодные мужики. Пока Гастон ездил в Щёбёнкино, бойцы приняли решение вырыть себе персональные «нычки», чтобы укрыться от огня. Хозяин горы, снайпер-миномётчик, активно работал, все ждали, что вражеская пехота пойдёт в наступление, но никого не было видно. Командир Сергей Иванович Кондратюк усмехался в усы: «Некому закрепить твой

успех, с лохами ты, Лёха, связался, не убьёшь меня, не дождёшься звёздного часа». Видимо, силы противника не были приведены в состояние общей боевой готовности, не были согласованы для достижения высокой цели.

Вскоре «град» стал бить по жилым кварталам Щёбёнкино, по площади с ромашками и памятником поэту, по рынку со свежей сметаной, картошкой, рыбой и за несколько дней разрушил бóльшую часть посёлка. Щёбёнкино обезлюдело: одни удрали, другие попрятались. Все ждали появления российских солдат, но никто не приходил, только прилетало.

Глава 5

*Не бойся, потик, ещё побудь!
А ну, из Библии что-нибудь!*

Ф. Шиллер. Лагерь Валленштейна

Гастон Мушабьер продолжал свои опаснейшие продуктовые рейсы в Щербёнкино. Почти все магазины закрылись, и он доставал еду у местных, стучался в заклеенные крест-накрест окна, просил «сала героям» и «водкю»: водкой с чаем умеренно согревались бойцы в своих «могилах».

Внимание француза привлекла высокая баба с синими руками, в медицинской маске, очках и сползшем на глаза платке: спотыкаясь, путаясь в платье, разбирала завал – в одноэтажный дом попала ракета. Баба что-то говорила себе под нос, Гастону сначала показалось, что беседовала с кем-то, притаившимся под мусором и кирпичами, утешала, подбадривала, просила повременить. Приблизившись, Гастон понял, что это не женщина, а монах в резиновых перчатках, в капюшоне и буром мешке, подпоясанном верёвкой, и не беседует он, а молится, причём по-французски.

Брат Бернар не удивился встрече с компатриотом: до него дошли слухи, что некий тощий, но очень ловкий француз кормит отряд теробороны – на собственные средства и со

своей доставкой. Гастон помог монаху разбрасывать камни, завязался разговор, перешедший в настоящую, хоть и недолгую дружбу.

* * *

Брат Бернар был уроженцем швейцарского кантона Фрибур, когда-то назывался Жаном, уныло работал в банке, носил галстук, существовал без подруги, ездил к родителям подстригать траву, но в один прекрасный день увидел на передовице «Грюйера» объявление, что в обитель на улице Мора требуются ответственные капуцины. Всё бросил, сменил офисную одежду на рясу, прошёл испытательный срок, забыл мирское имя, подметал монастырский двор, раздавал открытки и программки на концерты, много молился, жалел, что нет черепа под рукой и не войти в экстаз. Когда началась война, получил приглашение от брата Збигнева из Харьковско-Запорожской епархии стать орудием мира, сеять любовь, понимать, утешать на территории Украины и, умерев, родиться к вечной жизни.

Перед отъездом брат Бернар прочитал статью в Википедии про Киевскую Русь и навестил родителей, которые уже два года жили в доме для престарелых. Встретились в столовой. Папаня дремал перед пустой бутылкой в кресле-качалке, в ноздрю была вставлена трубочка, маман – весёлая, в фамильных бриллиантах – пока держалась на своих двоих.

Брата Бернара затошнило от стариковской еды, от бульона и соуса, он вышел на воздух покурить, полюбоваться острыми вершинами гор и неожиданно познакомился с молодым запорожцем Гавриловым, нашедшим вместе со своей матерью временное пристанище в швейцарском доме для престарелых.

Гаврилов сетовал, что Фрибур – кантон бедный и надо было выбирать Германию. Медленно подбирая французские и английские слова, рассказал капуцину всю свою недолгую жизнь: окончил школу, поступил в училище, «работал в сфере рекламы, то есть её разносил», весной оперативно вывез мать и вот теперь здесь, думает, как быть дальше. Гаврилов держал себя странно, говорил тихо, озираясь и цепенея, Бернар решил, что у мальчика неизбывное горе, травма. «Отец!» – воскликнул про себя капуцин.

– А где же твой папа? Сражается или уже погиб?

– Отец? Да он в Запорожье. Живой. И как его ещё не убили? Мы с мамой не понимаем – как его не убили. Он ведь ждёт, не скрывается, агитирует.

– Кого ждёт?

– Русскую армию. Давно ждёт. Сколько я себя помню – ждёт.

– Папу что-то связывает с Россией?

– Связывает – тётя Маша. Это его сестра из Новгородской.

– Великий Новгород? Центр Киевской Руси? Новгород с Москвой воевал. Тётя против Москвы?

– Не знаю. Ей некогда. У неё три коровы. Зимой во Владычно не было света, дороги замело.

– Снегом?

– Ну не песком же. Бабушки сидели без света, телефон не могли зарядить. Тётя Маша им верхом молоко и повербанк возила.

– Верхом на корове?

– На лошади. Машины не могли проехать.

* * *

– Понимаешь, Гастон, его отец ждёт русских солдат, рискуя свободой и жизнью, агитирует сограждан перейти на сторону врага. Действительно, как его не убили? Я пытался разобраться, почему некоторые жители Украины продолжают ждать русских, потом бросил. Не моего ума дело.

– Так, может, потому, что они тоже русские?

– Наверно. А другие украинские русские хотят перевешать на дубах своих родных и друзей детства, представляешь? Адский замес, всё перепутано: история, генетика, церковь, политика и, главное, деньги. Надо всем витает дух торгашества. Я работал в банке, правда, всего лишь в окошечке сидел, но, поверь мне, кое-что смыслю в финансах. Так вот, скажу тебе прямо – это циничная империалистическая война по захвату портов и плодородных земель. Антинародная. Простолюдину здесь ничего не достанется. Все богатые

и сильные хотят урвать кусок пожирнее, для этого стравливают бедняков, морочат им голову высокими идеями.

– Кто стравливает?

– Я монах, человек тёмный, никаких имён назвать не могу. Знаю, что зарятся и хотят взять в аренду.

– Что в аренду?

– Всю Украину.

– А что за идеи высокие?

– Ну как – братство, государственность, демократия. Каждый со своим подъезжает. Но думают только о наживе. Вокруг этой войны разросся огромный рынок. Чего только нет – зерно, оружие, полезные ископаемые. Шуты кривляются, тут же кого-то пытаются и ведьму жгут. Нет, я не буду вникать в происходящее. Моя задача простая. Я бы хотел утешить страждущих, но не умею, поэтому должен выкапывать мертвецов. Не всех, конечно. Только тех, кого попросят. Теперь тут часто выкапывают, чтобы расставить точки над «i». Я извлекаю на свет божий умерших не своей смертью. Таково моё послушание, Гастон. Я дал обет выполнять самую тяжёлую работу. Это тебе не розы поливать в Швейцарии.

– Да уж.

– Земная жизнь – морок. Миром правит дьявол. Ну это ты и сам знаешь. Меня не интересуют причины и следствия, плевать на логику. Мне важен Христос, тонкие нити, которые связывают меня с Господом. Эти нити – как паутинки, а я – как паучок. Пытаюсь уцепиться за Господа, сплести

вокруг него радужную паутинку и ловить в неё благодать. Смотри, рука. Давай, здесь раскидывай. Ну вот, волосы. Это женщина. Она, конечно, уже мёртвая. Но респиратор, кажется, не нужен. Сами доставать не будем, я вызову сотрудников.

Монах достал из-под рясы телефон и написал сообщение.

– Брат Бернар, закурим? – Гастон угостил собеседника сигаретой.

Тот продолжал свою речь, пуская дым из ноздрей:

– Видишь ли, эта территория, эта война – единственный способ для меня нащупать Бога. В Швейцарии я Его не ощущаю, не вижу, не чувствую. Да и где бы Ему мне явиться? В столовой? Во дворе с клумбами? В чистом сортире? Нет, конечно. Его я обрету здесь, в Украине, на этой земле. Недавно помогал выкапывать трёх убитых в посёлке, и представляешь, в какой-то момент почувствовал невесомость, ну будто не то чтобы лечу, а сантиметров на десять от травы оторвался... У нас во Фрибуре есть цистерцианская обитель, там с тринадцатого века невесты Христовы живут, так одной по понедельникам является Господь. Но она для этого вот уже двадцать лет из монастыря – ни ногой, очень мало ест и всё время молится. Из Белоруссии девушка. Я бы так не смог. Мне проще мертвецов выкапывать, не привык без завтрака. Разбираю порушенные дома, участвую в эксгумациях. Господи, сделай меня орудием Твоего мира, там, где ненависть, дай мне сеять любовь!

Гастон понуро смотрел на рыжие локоны, брат Бернар сквозь сигарету читал молитву. Мимо французов проезжали машины, шли женщины с сумками, на великах катили дети, радуясь, что нет тревоги и можно выбраться из подвала.

– На раскопе обычно сначала появляется рука, потом голова. И пальцы сложены то так, то эдак. Иногда крепко сжаты. Всегда по-разному. Один старик мне большой палец показал, типа молодец, что меня откопал, а бабка его фак под нос сунула. Кто-то кулаком грозил. Сначала я думал, что покойники хотят мне поведать нечто суперважное на языке глухонемых, потом понял, что это Господь их посмертным жестом со мной разговаривает. Правда, пока мало что понимаю⁸. Но это не беда. Главное, что Бог вышел со мной на связь. Именно для этого я приехал в Украину. Я на верном пути.

Брат Бернар щёлкнул на мобильный руку с очень приличным маникюром и обручальным кольцом.

– У меня их уже несколько десятков, целый альбом.

– Вернёшься с войны, сделаешь крутую выставку в модной галерее.

– Хорошая идея. Если вернусь.

– У тебя плохое предчувствие?

– Гастон, эта война затягивается. Многие гибнут, и я не уверен, что выживу. Раньше побаивался смерти, а сейчас,

⁸ Рассуждая о руках, брат Бернар с благодарностью озвучивает некоторые мысли писателя Александра Снегирёва.

выкапывая мертвецов из-под завалов, из сделанных наскоро братских могил, ощутил прилив душевных сил и некоторый покой. Как можно бояться собственной смерти, когда стряхиваешь землю с посиневшей кудрявой девочки? Меня настигло не бесчувствие, а, наоборот, некая полнота чувств и ощущений, уверенность в том, что есть высшая правда. Происходящее столь ужасно, что не может быть бессмысленным. Всё это не просто так, мой друг, однажды я пойму, о чём говорят эти руки, что именно хочет донести до меня Господь... А самое страшное – это молчащие руки.

– Как они молчат?

– Красноречиво. Попадаются руки, связанные за спиной. Они так оглушительно молчат, что я теряю сознание. Ну ладно. Спасибо, что помог. Тебя, наверно, заждались бойцы. Чем ты их кормишь?

– Гречкой. Правда, они её уже видеть не могут, а я готов есть бесконечно. Мне нравится её ореховый вкус. Надо правильно готовить, не разваривать. А ты чем тут питаешься?

– Ем что дадут. Проголодаюсь – иду к женщинам, они всегда кормят: кофе растворимый, суп. Мне нормально. Не до разносолов.

– А я, знаешь ли, повёрнут на еде. Мне здесь, на линии фронта, отлично – адреналин, чувство собственной значимости. Но не хватает устриц и молитерно – это сыр с трюфелем, я его дома во Франции по утрам с кофе по маленьким кусочкам рассасывал. Смотри, к нам идут.

Приехали «сотрудники», принялись быстро разбрасывать кирпичи. Достали несколько трупов. Гастон пожал руку капущину и погнал из Щёбёнкино кормить своих камрадов.

Глава 6

Он терпеливо ждёт своего часа, который всё не наступает, он не думает о том, что будущее страшно укоротилось...

Д. Буццати. Татарская пустыня

Гастон, как обычно, нарисовался под Воробьиной горой, на руинах Фёдоровки, ранним утром. В роще пели птицы. Славик спал в своей «могиле» с томиками Бирса и Буццати на могучей груди. За завтраком, выгребая гречку из красной туристской миски, делился соображениями насчёт «Татарской пустыни»:

– Это мощная метафора всей нашей жизни. В мирное время человек с утра до вечера занимается чем-то незначительным, несерьёзным, решает потихоньку мелкие проблемы, крутится в бытовухе, как в панировке, но при этом трепетно ждёт, когда же наступит тот самый, решительный, важнейший момент, к которому нас готовили небеса. Ждёт, но ничего не происходит. Отвлекается, потихоньку расслабляется, хотя тревожные огоньки перемигивались в темноте, и вдруг – бах, как обухом по голове.

– Ты про смерть? – спросил кто-то из бойцов.

– Для кого-то это смерть, для кого-то внезапно нагрянувшая любовь. У Буццати в крепости на краю бесконечной пустыни гарнизон поджидает опасного врага. Но того всё нет.

Проходят дни, месяцы, годы – и тишина... Никого. Ничего. Ожидание становится невыносимым, и у лейтенанта Дрого едет крыша. У всех едет. И когда наконец появляется враг, некому дать отпор – все чокнулись и разъехались.

– Намекаешь? – Командир Серёга хлебнул кофе и вытер усы. – Ну и кто у нас чокнулся? Кто разъехался?

– Пока всё хорошо, но вот затишье нервирует. Ночью в моей яме Сеть появилась, посмотрел кино. Идеальный фильм, звёздный состав. Серёга, я тебе ссылку пошлю.

– Да смотрел я. А ты знаешь, что смартфоны в зоне боевых действий запрещены?

– Это только вчера. Обычно я в церкви кино смотрю, там благодать сигнал не пропускает. А в нычке, если приспичит поиграть, отвлечься, симку вытаскиваю, авиарежим включаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.